

Больница в Андалусии

В октябре мне не повезло: я попала в испанскую больницу. На самом юге Испании, в провинции Алемрия. Туда мне совсем не хотелось, но в лёгких скопилась жидкость, и наш земский врач дал направление в медицинский центр в Куэвас-дель-Альмансора. Там меня осмотрели, смерили давление, взяли анализ крови и быстро спроводили в больницу в Уэркаль-Овера. Мы с Янриком понадеялись, что мне выпишут инъекции и я буду лечиться амбулаторно: это мне ободряюще пообещали врачи из Куэвас и выписали направление — уже в больницу. В больнице Уэркаль-Овера меня снова погнали по привычному кругу: анализы крови, рентген, кардиограмма, сначала обычная, за которой последовала более сложная эхокардиограмма... Молодой врач вынес вердикт: — Амбулаторному лечению не подлежит.

Врач, как на грех, не говорил по-английски, тем более по-голландски, а я до сих пор не говорю по-испански, — в общем, Янрику пришлось порабатать переводчиком. Врач убедил мужа согласиться на моё лечение в больнице — по причине моего не самого лучшего состояния. Но не самое лучшее состояние — ещё не самое худшее, и я, в свою очередь, долго и упрямо убеждала Янрика увозить меня домой. Врач оказался упрямым, Янрик — не менее упрямым, между двух упрямец моё доблестное сопротивление было обречено...

В андалусские больницы просто так не пускают: если нет своей пижамы, то заставляют надеть больничное — штаны в три четверти длины и просторную кофту голубого цвета, — и лишь после обряда переодевания выпускают из предварилочки и препровождают в отделение. Янрика переодеться не принудили, пустили в чём был, что несколько удивило: а в чём тогда смысл моего принудительного переодевания?

Палата оказалась очень хорошей — всего лишь на двоих, и я была одна. Янрик обрадовался, сказал, что привезёт мне сегодня же вечером пижаму, компьютер и всё необходимое, и исчез, а я стала оглядываться. Оконные рамы замечательные, новые, чистый туалет, совмещённый с не менее чистым душем, на полу настоящий мрамор — обычное дело в Альмерии: здесь его добывают. В палате всё как в обычной европейской больнице, но у стены,

противоположной кроватям, почему-то стояли два тяжёлых, каких-то угрюмых раскладных кресла. «Зачем это?» — промелькнуло в голове. Появилась сестра, сделала укол фуросемида и что-то сказала, чего я не поняла. Из нескольких знакомых мне испанских слов я соорудила фразу и донесла до сестры, что говорю *inglés*, она поняла и куда-то ушла. Вместо неё появилась другая сестра, на этот раз англоговорящая. Она спросила, как мои дела, как я себя чувствую, и сказала, что уколы фуросемида будут делать часто, а еду мне принесут. Еду на самом деле принесли на подносе, и она оказалась вкусной: мисочка протёртого овощного супа, кусок рыбы с рисом, тушёные овощи, йогурт и яблоко. И стакан сока.

Вечером приехал Янрик, как и обещал, привез всё, что нужно для больничного времяпровождения, а главное — компьютер, и жизнь наладилась. Я пообещала Янрику очень скоро поправиться и выйти из больницы, и он снова уехал с лёгким сердцем. Счастье моё продолжалось ровно сутки: с субботающего вечера по вечер воскресный...

В воскресенье поздно вечером привезли в палату пожилую женщину. Женщина была подключена к кислородному баллону, в носу две трубочки. Ничего, и я такая лежала (в Голландии), причём в гораздо худшем состоянии. Вновь прибывшая глазами хлопает, улыбается, разговаривает, вполне вменяема. Знаю по себе, что если пациент так выглядит и реагирует, значит, состояние пациента не критичное.

С ней заходит ещё одна женщина, совсем здоровая, в обычной повседневной одежде, и... не уходит. Час не уходит, второй. Я даже попросила её купить мне воды в автомате на этаже. Янрик забыл привезти мне питьё, а от фуросемида постоянно хочется пить — это лекарство высушивает так, что гортань слипается от жажды, говорить трудно, и даже во сне снится вода... Родственница болящей соседки купила мне бутылку минералки за девяносто пять центов по моей просьбе: у меня не было монет, а бумажку в двадцать евро никто не сумел за целый день разменять. Но... родственница всё равно не уходит, и я не понимаю почему. А потом со страшным грохотом сдвигает тяжёлые кресла и... укладывается спать. Сёстры на это

спокойно смотрят и приказывают мне выключить свет. Я человек тихий, понимающий: достучиваю фразу на компьютере, архивирую документ, выключаю инструмент, свет. Иду в сестринскую и прошу объяснений. Мне на слабом английском языке заявляют:

— А у нас в Испании так положено,—и тут же спрашивают:— А что, у вас в Голландии не так разве?— У нас и в России не так. В больницах ночуют только больные, а родственники приходят лишь в часы посещений. Не хотите ли мне показать документ, в котором написано, что в Испании такое возможно?

Меня ведут к стенду, который я даже успела сфотографировать. Там на многих языках мира, в том числе и на нашем родном языке, написано: «Пациенты могут сопровождаться в больницах родственниками на протяжении всего курса лечения, если это не входит в противоречие с медицинскими показаниями». И ни слова о соседях пациентов и о противоречиях с их соседскими медицинскими показаниями. Хитро закручено. И ни слова о ночёвках родственников под носом у пациентов-соседей по палате. Излагаю им всё это на английском и на нескольких испанских словах. Понимают меня плохо, настаивают на своём.

— Покажите,—говорю,—детальные правила.

Правил в деталях мне не показали.

Возвращаюсь в палату.

Хочется спать, я всё ещё задыхаюсь, слабость валит с ног, в палате дышать нечем, здоровая родственница пользуется туалетом для больных, гремит тяжёлыми креслами, бабка рядом громко булькает жидким кислородом, они о чём-то вслух болтают. Мило. На мои потребности не реагируют.

Снова иду к сестринскому пункту.

— Хорошо,—говорю,—а если я завтра сюда мужа приведу и ещё десять родственников, что тогда? Будем все вповалку спать?

— Нет,—отвечают,— не будете, палата только на четверых. На втором кресле может спать ваш муж.

Удивляюсь про себя: «А почему только на четверых? Штук десять родственников на полу разлюли-малина разместятся. Туалет, душ, горячая вода— всё есть в палате! Еду по-соседски поделим, порции здесь хорошие». Прошу:

— Позовите врача.

— Врач занят,—отвечают.

— Хорошо, позовите ассистента. Я имею право на сон, а здоровая родственница соседки его постоянно нарушает.

На меня шикают. Шикаю в ответ. Звоню мужу и прошу его немедленно забрать меня домой, потому что желание жить пока ещё не иссякло. Муж поговорил с испанцами по телефону и пообещал приехать. А я уже почти плачу и прошу сестёр показать мне хотя бы одну палату с родственниками пациентов. Меня ведут по коридору и показывают

палату, в которой находится молодая мать с ребёнком. Они что, издеваются?!..

— Знаете что,—сообщаю сотрудникам больницы,— документ вы мне адекватный и детальный показать не можете. Ваш стенд демонстрирует мутное и странное правило, которое трудно назвать законным. Пока здоровая женщина не покинет палату государственного учреждения, я спать отказываюсь и буду кричать на весь этаж. Моя соседка не умирает, и я пока что не умираю, но если вы превратите палату в проходной двор, то умру, что никак не входит в мои планы.

Затем попросила привести полицию. Полицейские пришли, объясняли им по-английски, они не понимают ни черта... Но я говорю, говорю на непонятном им языке...

— Правее, конечно, испанка, что логично: эта страна принадлежит ей по праву рождения. Роль «понаехавшей» мне и в Голландии обрыдла, если честно. За нашу испанскую квартиру заплачено полностью, хотя мы всё ещё выплачиваем за неё кредит банку, но это не смертельно— платим же! Мы тут легально зарегистрированы, мы не отдыхающие туристы.

Говорю им:
— No pasará,— шустро вспомнив лозунг доблестного чилийского народа в борьбе за свободу и равноправие.

И заодно пункт о недопустимости дискриминации в лечебном заведении, который мои глаза успели выхватить со стенда.

Вероятно, мой речевой поток, интонации, эмоции и отдельные испанские слова дошли до полицейских. Происходит чудо... вторую больную с её здоровой членшей семьи срочно эвакуируют. Уходя, тётка схватила бутылку, вылила её содержимое в раковину с проклятьями в мой адрес. Самую пустую бутылку энергично смяла и бросила на пол. Без слов я начинаю демонстративно жевать принесённое из дома яблоко. Яблоко оказалось сочным, сок потёк по подбородку, пришлось утираться рукавом казённой пижамы. Утираюсь так же демонстративно. Темперамента мне не занимать— могу составить конкуренцию местным. Полицейский что-то угрожающе мне говорит про Мурсию. На всякий случай обещаю устроить международный скандал, если они только посмеют заместить меня в полицейский участок. Звоню Янрику с настоятельной просьбой меня забрать как можно быстрее, потому что, кажется, мне угрожают посадкой в тюрьму. На глазах изумлённой публики пакую сумку. Тут же прибежал врач, владеющий английским языком, бледный как полотно. Не было, значит, никакой у них ургенции (срочного вызова)! Так, голову морочили сёстры «туристке» понаехавшей. Про правила родственного жития в андалусских больницах никто толком ничего не смог объяснить... С таким же успехом и я могла

бы рассказать, что «а у нас в Гонолулу можно не только по ночам в палатах здоровым людям ночевать, но и любовью заниматься с больными», и ткнуть пальцем в размытый текст инструкции, отпечатанной на ксероксе и вдохновенно сочинённой мною самой.

Пять раз ко мне подходили с какой-то бумажкой на подпись. Я качала головой и говорила:

— Вот придет «ми маридо» (мой муж), переведёт текст, и если всё корректно, я подпишу.

Интересное дело: ко мне, сердечнице, в палату, не спросив моего согласия, подсунили совершенно здоровую тётку вместе с больной, громко хлюпающей кислородным аппаратом, но при этом вполне весёлой, разговорчивой и живой, не предоставили ни единого документа о том, что родственники могут жить в палатах даже по ночам, наговорили про несуществующую urgency, а врачи в это время уютно чаи гоняли в ординаторских! И вообще не захотели лечить амбулаторно. И ещё какие-то бумаги непонятные подсовывают.

Я ждала врачей. Вот пусть и они теперь пождут. Янрик скоро возник—второй раз за воскресенье, перевёл бесхитростный документ о том, что я отказываюсь от лечения (слава Богу, хоть за решётку не посадят), я подписала, и мы opravились домой. Вооружённые полицейские провожали меня до самого выхода. На часах было два часа ночи... А в три часа утра я уже благополучно спала в своей деревне.

Облатка с ангелом, или Как попасть в Таллин вместо Вильнюса

Очень просто. Сначала надо собрать в дорогу объёмистые чемоданы с вещами на пару месяцев и отправить с ними мужа на машине с прицепом, договорившись встретиться в вильнюсском аэропорту через три дня. Потом привести квартиру в порядок, не особенно заморачиваясь упаковкой последнего чемоданчика—ручной клади (компьютер, зубная щётка и больше почти ничего). Написать записку с последними ценными указаниями Трауди, приятельнице и соседке, которая присматривает за домом в наше отсутствие. Встать рано утром (самое трудное), стряхнув ночной кошмар (а снилось, что я не могу попасть на свой рейс), дожидаться такси и выехать в Схипхол. Бодро встать в очередь к регистрационной стойке, отстоять её, внутренне насвистывая, и, только подойдя к регистраторше, понять, что... забыла паспорта. Все до одного, у меня их три. Караул полный, но паниковать, тем более плакать, некогда.

Пришлось побеспокоить Трауди и попросить её привезти паспорта. Трауди идея не понравилась. Ещё бы—ехать из Дрибергена в Зейст, карабкаться на третий этаж, искать паспорта, потом везти их

за сто километров в аэропорт... а у неё встреча с подругой. Она очень не хотела, но обещала приехать.

Сообразив ещё у стойки, что мой самолёт улетит через час двадцать и Трауди в любом случае не успеет, пошла к кассам «Last minute»—купить новый билет, по дороге попытавшись узнать, где и как сдать пропавший билет. Насчёт улетевшего билета сказали:

— Звоните в Ригу, в Air Baltic. А по поводу нового билета—станьте во-он туда, в другую очередь.

Перешла, стою в новой очереди, не дёргаюсь—видно, суждено мне сегодня в очередях стоять. Заодно позвонила в Ригу. Дозвонилась с пятого раза (вечное «занято» и «ждите ответа» с последующим срывом связи) и услышала, что билет куплен через компанию klm и обращаться надо туда. Стою кариатидой, не шелохнувшись. Симпатичная молодая китайка за стойкой (по-голландски не говорит, перехожу на английский) сделала всё возможное и невозможное, перелопатив все авиасайты. На девятнадцатое июля почти всё оказалось распродано, остались кое-какие билеты на завтра... На двадцатое—билеты в бизнес-класс по семьсот-восемьсот евро (кхм-кхм), и даже их смели перед носом, пока я обалдела думала. Чудом нашлись два билета: один—на завтра в Вильнюс с пересадкой в Таллине, за триста восемьдесят, другой—на сто евро дороже, но на сегодня и в Таллин.— Резервируйте оба, и срочно!—пискнула я.— А паспорт мне скоро принесут.

Надо было советоваться с Янриком. Позвонила ему. Успела сказать два слова, и... телефон сел. Пошла побираться по аэропорту. Одна из сотрудниц в синей форме согласилась дать трубку, но строго на один короткий разговор. Кое-что успела сказать мужу. Трауди позвонить уже не удалось. А вот девушки у стойки «Last minute» любезно согласились дать трубку рабочего аэропортового аппарата на сколько угодно, протянув её на шнуре над стойкой. Янрик спросил только, где «этот Таллин». Просветила его, что где-то у границы с Финляндией, столица Эстонии вообще-то.

За то время, пока искала ещё одну возможность позвонить, Янрик успел остановить машину на польской трассе, заглянуть в Google Earth и понять, сколько километров ему придётся ехать до Таллина. На самом деле—шестьсот дополнительно, а потом ещё столько же на юг, к Латвии и Беларуси, но я тогда этого ещё не знала.

— Доеду,—бодро пообещал Янрик,—лети в Таллин.

Паспорта пока не было, и я сказала добрейшей китайке Тинг, что пойду сдавать билет. У всех стоек аэропорта меня дружно посылали с моим просроченным тикетом Air Baltic. Голландцы слабо понимают, что значит слово «Таллин» и где такой населённый пункт находится.

Оглянулась и увидела бегущую по людским волнам Трауди в сопровождении полицмена. Она сунула мне в руки паспорта с озабоченным и, я бы сказала, озлобленным лицом, буркнув при этом: — Ты ввергла мой день в хаос. И я немедленно убегаю, потому что не могу стоять у аэропорта.

Побежала в обратную сторону, не дожидаясь ответа... А ведь паспорта-то привезла—аллилуйя! Потом я долго строчила ей эсэмэски с объяснениями, и она даже что-то из них поняла. Но ведь—чёрт!—я всё равно сорвала ей—встречу! С подругой!!! Наверняка они собирались пить чай с торгом выпечки самой Трауди. Наша смотрительница—знатный пекарь. Две женщины собирались рассказывать друг другу свои нехитрые новости, неторопливо и с паузами перебивать кому-нибудь косточки... такие встречи назначаются порой за месяц.

Теперь я внимательно огляделась. Основная голландская компания KLM находится в конце второго зала отбытия, а я—в начале первого... Мама, роди меня обратно!—чтобы я не тащилась через две кишки немереной анаконды породы «Отбытия. Схипхол»... ведь я так плохо себя чувствую и падаю от усталости. Но поплелась. Пришла. Взяла билетик своей очереди, дождалась её—чтобы услышать несколько деловых бесчеловечных фраз: — Мы денег не выдаём. Вы билет заказывали через Интернет, вот через Интернет и обращайтесь. Шансов мало, но, возможно, что-то вернут. Не забудьте запастись справкой от врача. Всё, следующий!

«Таллоу сколько же мне обойдётся экскурсия в таллинский аэропорт? И о чём должна быть справка от врача—о том, что у меня маразм?»—застучали в голове невесёлые и простенькие мысли, в то время когда ноги, заплетаясь и спотыкаясь одна о другую, несли меня к Тинг, за билетом.

— Давайте,—говорю,—билет.

Тинг защёлкала клавишами, спросив, как я буду платить—наличными или картой.

— Картой,—и сую ей банковскую карточку.

Она мне—аппаратик. Ввожу карту, код, получаю чек, почему-то на десять евро дороже. Тинг объясняет, что в «Последней минуте» такие порядки: при оплате картой всё дороже. И тут выясняется, что аппарат по распечатке билета не работает. Тинг вежливо просит подождать, пока она сходит в соседнее окно и распечатает билет. Возвращается. Берёт чистый лист бумаги и пишет цифири и буковки. Протягивает со словами:

— Извините, и там аппарат не работает. Но вы не волнуйтесь, всё есть в системе, билет куплен. — Нет, это вы меня извините, но я никуда не уйду без билета. Я заплатила почти пятьсот евро, совсем мне не лишних, и мне нужен билет.

— Тогда я пойду с вами на регистрацию—она скоро начнётся.

И мы бодро зашагали в непонятный и до последнего времени несуществующий терминал 1А, в котором я пока ещё не была. Оказывается, в этом году его только-только сдали—для рейсов на север.

Билет, кстати, в том терминале мне всё-таки распечатали, чем хоть как-то душу успокоили. Настала пора отпустить Тинг и хоть как-то возместить ей недоверие издёрганной пассажирки—меня. Денег нет, конфет и шоколада тоже нет, и тут я вспоминаю про красивый металлический овальный знак в кошельке. Такая серебристая облаточка с девочкой-ангелочком в платице и гольфах. Удевочки крылышки, в руках корзинка, а сверху написано: «Ваш ангел всегда с вами». Купила я бляшку на выставке ангелов в музее религии Утрехта, довольно давно. Вынимаю облаточку-ангелочка и, взглядевшись в образ девочки... вижу явное сходство с Тинг! Те же две косички по бокам, тот же острый подбородочек и раскосые глаза.

— Возьмите, она ваша. Больше у меня ничего нет, но она принесёт вам удачу.

Обнялись и попрощались, и я пошла в новый, совсем новый зал—ждать очереди на посадку в неизвестный мне доселе город Таллин.